

наконец, от имени — я позволю себе это заметить — фактически всех тех, кто находится здесь, я хотел бы предложить, чтобы мы завтра отдохнули. Эта группа людей работала очень напряженно. Я хотел бы по этому поводу сделать некоторые замечания. Сознаюсь, что это были бы довольно пространные замечания. Но я сейчас совершенно без сил. Я еле поднялся, спотыкаясь, на эту трибуну. Лишь сила моего возмущения и мое стремление прийти на помощь моим коллегам дали мне возможность подняться на нее. Я считаю необходимым, чтобы мы имели хотя бы один день отдыха в неделю, что позволило бы нам набраться сил. Если это означает отсрочку в работе, то, на мой взгляд, в конце концов мы от этого будем лишь быстрее работать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Поскольку имеются два предложения к порядку ведения заседания, мы должны провести голосование по предложению, выдвинутому мной, о том, чтобы созвать очередное заседание завтра в 16 часов.

Производится голосование поднятием рук. Предложение отклоняется 26 голосами против 14.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово к порядку ведения заседания предоставляется представителю Соединенного Королевства.

Г-н МАК-НИЛ (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я выступаю не к порядку ведения заседания. Я хочу задать вопрос, который, может быть, является тем же, что и вопрос, заданный представителем СССР. Моя делегация, естественно, хотела бы, чтобы Генеральная Ассамблея собралась завтра, но, поскольку завтра у нас не будет заседания, я хотел бы спросить у вас, г-н Председатель: намерены ли вы созвать завтра Генеральный комитет?

Я лично был бы против этого, однако, если Генеральный комитет должен собраться и поскольку заседание Генеральной Ассамблеи завтра не будет, то мог бы он начать свое заседание после 15 часов?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

Г-н ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Учитывая, что большинство представителей чувствуют себя усталыми, хотят отдохнуть и не имеют желания продолжать работу, я предлагаю назначить следующее заседание Генеральной Ассамблеи на понедельник. Завтра мы сможем отдохнуть, отдохнуть хорошенько, а в понедельник вновь примемся за работу. Следовательно, от имени делегации СССР и, я надеюсь, от имени большинства — я уверен, что большинство действительно хочет больше работать и меньше отдыхать, — я предлагаю назначить следующее заседание Генеральной Ассамблеи на понедельник.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Если я правильно понял, все представители на Генеральной Ассамблее согласны с тем, чтобы возобновить работу в понедельник. Поэтому я назначаю следующее заседание Генеральной Ассамблеи на 11 часов утра в понедельник.

Генеральный комитет соберется также в понедельник в 14 часов 30 минут.

Заседание закрывается в 23 час. 30 мин.

СТО СЕДЬМОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Понедельник, 3 ноября 1947 года, 11 час.
Флошинг Медоу, Нью-Йорк*

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

60. Продолжение обсуждения вопроса об информации от самоуправляющихся территорий

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Продолжаем обсуждение пункта повестки дня об информации от самоуправляющихся территорий.

Слово предоставляется представителю Нидерландов.

Г-н КЕРНКАМП (Нидерланды) (*говорит по-английски*): От имени моей делегации я хотел бы поддержать настоятельный призыв, с которым обратился к Ассамблее представитель Соединенных Штатов, о восстановлении первоначального текста резолюций II, III и V, содержащихся в документе A/385 Комитета *ad hoc* относительно перестройки информации согласно пункту *e* статьи 73 Устава.

Я намерен быть как можно более кратким, поскольку на этой стадии обсуждения, естественно, ничего нового сказать нельзя. Эти вопросы были по существу и весьма подробно обсуждены сначала в Комитете *ad hoc*, в который я имел честь входить, и вторично, в гораздо более общих чертах в Четвертом комитете. Комитет *ad hoc*, как вы знаете, был сбалансированным органом, составленным из представителей восьми управляющих государств и восьми представителей других государств. Следовательно, можно было ожидать, что внутри этого Комитета в процессе его работы будут проявляться известные противоречия между теми, кого все еще принято называть «колониальными» державами и «неколониальными» державами. Эти термины очень неудачны и совершенно устарели, поскольку колониальный режим в его прежнем понимании эксплуатации или полного господства над бывшими колониальными территориями более не существует и перестал существовать уже в начале нашего века. Когда Комитет перешел к рассмотрению конструктивного аспекта работы, эти противоречия проявлялись очень слабо, очевидно, потому что сразу стало ясно, что никто не хотел и не пытался отстаивать

столь отжившую концепцию колониализма. По этому Комитет, руководствуясь духом справедливого компромисса и честного сотрудничества, смог выполнить весьма полезную работу.

Пятью резолюциями, которые он принял, Комитет учредил широким большинством новую и, по его мнению, приемлемую систему в отношении того, как следует поступать с информацией, передаваемой согласно статье 73 *e* Устава. Я полагаю, что эта система характеризуется следующим: с одной стороны, она поддерживает принцип, что самоуправляющиеся территории, подпадающие под действие главы XI Устава, в противовес подопечным территориям, подпадающим под действие глав XII и XIII Устава, находятся на полной ответственности управляющих держав, которые осуществляют по отношению к ним суверенные права в такой же степени, в какой они осуществляют их на территории метрополий; с другой стороны, удовлетворяются законные интересы, которые Организация Объединенных Наций проявляет в отношении развития этих территорий, согласно главе XI Устава.

Однако, вследствие некоторых решений, принятых Четвертым комитетом, это справедливое компромиссное решение было нарушено в такой степени, что резолюции II, III и V (документ A/424) после изменений, внесенных Комитетом, стали абсолютно неприемлемыми для моей делегации, а также, как я полагаю, и для других делегаций. Эти резолюции были изменены Четвертым комитетом настолько, что если бы они были приняты, то мое правительство было бы вынуждено зарезервировать свою позицию в отношении всей системы в целом, устанавливаемой пятью резолюциями. Однако оно прежде выполнило бы возложенную на него юридическую обязанность и передало бы в той форме, которую оно сочло бы приемлемой, информацию, требуемую, согласно статье 73 *e* Устава.

Я хотел бы с вашего позволения изложить следующую точку зрения. Пункт 6 первоначального текста резолюции II Комитета *ad hoc* преследовал цель установить некую норму для оценки положения, существующего на той или иной самоуправляющейся территории. Действительно, какого-либо международного стандарта не существует и пока еще долго не будет существовать. К тому же весьма мало смысла в том, чтобы сравнивать положение, которое, например, существует в Африке, с положением в Юго-Восточной Азии, поскольку особенности этих территорий весьма различны. Единственный способ установить справедливый стандарт — это сравнить их с соседними странами.

Комитет *ad hoc* также попросил суверенные государства представить точные и позволяющие сравнение официальные статистические данные. Само собой разумеется, что эти государства остаются свободны в том, что касается представления или непредставления этой информации, поскольку какого-либо обязательства в отношении пере-

дачи такой информации не существует. В равной степени было сочтено весьма желательным получение такого рода информации от иностранных государств, поскольку самоуправляющиеся территории могли бы извлечь большую пользу из опыта и практики других стран, особенно в области борьбы с неграмотностью, в области общественной гигиены и т. д.

В Четвертом комитете был полностью изменен смысл пункта 6, в результате того что большинством лишь в один голос была принята поправка СССР¹. Теперь речь идет о том, чтобы проводить сравнения между положением на самоуправляющихся территориях и в метрополиях. В этом в определенной мере нашла свое проявление антиколониальная тенденция. Помимо всего этого, подобное сравнение вообще бессмысленно; это все равно, что сравнивать яблоки с грушами.

Действительно, какую пользу можно извлечь из сравнения положения на самоуправляющихся территориях с положением в метрополиях? За некоторыми редкими исключениями первые расположены в тропических районах, тогда как последние находятся в зонах умеренного климата; их положение, обычаи, культура как правило резко различаются. Некоторые народы самоуправляющихся территорий все еще находятся в первобытном состоянии, а другие, наоборот, развиваются в направлении, совершенно отличном от направления страны-метрополии, но зато тесно связанном с культурным развитием соседних с ними государств, с которыми у них может быть даже расовая общность.

Никто, мне кажется, не будет отрицать, что было бы абсурдом сравнивать вспышки тропических заболеваний и меры, которые применяются для борьбы с ними, в европейских метрополиях, с такими же эпидемиями на африканских территориях. Абсурдность этого, однако, не ограничивается лишь этими примерами. Невозможно также сравнивать методы ликвидации неграмотности, например, в двух совершенно различных сферах человеческой деятельности.

Какой, например, смысл сравнивать в настоящее время условия труда, жизни и жилищные условия тропических территорий с теми, которые существуют в районах с более умеренным климатом; или сравнивать сельское хозяйство страны, где нет зимы, с сельским хозяйством Западной Европы; или же, наконец, сравнивать безработицу в странах с высокоразвитым промышленным потенциалом с безработицей в преимущественно аграрных странах, практически лишенных капиталов и располагающих в основном лишь сезонной рабочей силой, связанной с земледелием?

Помимо этих соображений, мне хотелось бы подчеркнуть, что весьма опасно настаивать на том, чтобы управляющие державы публиковали сравнительные данные такого рода о политиче-

¹ См. документ A/424.

ском, социальном, культурном и экономическом положении. Такие сравнения вынудили бы правительство управляющей державы осуществить на территориях, находящихся под их управлением, всякого рода меры, которые были бы слепым копированием мер, применяемых в метрополиях.

Как ясно указал наш великий ван Волленхонен, весьма либерально мысливший ученый и, возможно, самый крупный из всех известных авторитетов в области местного обычного права, подобные меры, приемлемые для метрополий, могут оказаться временно неподходящими или даже вредными для так называемых колониальных общин. Я, следовательно, не вижу пользы от такого рода сравнений. Напротив, я полагаю, что во многих случаях они несовместимы с интересами указанных народов.

Четвертый комитет изменил резолюцию III еще более достойным сожаления образом. Управляющие державы, — я убежден, что все из них — и другие государства, представленные в Комитете *ad hoc*, основываясь на букве и духе Устава, считают, что статья 73 *e* не обязывает их, какой бы строгой ни была ее формулировка, передавать какую-либо информацию политического характера. Тем не менее некоторые из них в добровольном порядке представили в этом году такую информацию; например, это было сделано моим правительством. Это было, соответственно, принято к сведению, и Комитет *ad hoc* в своем первоначальном проекте резолюции отметил, что такая практика должна поощряться.

Поправка, представленная делегацией СССР² и принятая, я напоминаю, всего лишь большинством в один голос, явно изменила общее направление резолюции. Слово «добровольная» исчезло из текста, а слово «поощряться» заменено словом «рекомендует», что дает повод предполагать, что Организация Объединенных Наций имеет в какой-то мере право ожидать передачи такой информации.

Никаких следов компромисса в резолюции уже нет, и предположение, на котором эта резолюция основывается, делает ее отныне неприемлемой и для управляющих держав. Поскольку для них это является вопросом принципа, то из этого вытекает лишь одно, а именно, что в будущем информация такого рода вообще не будет поступать, во всяком случае, от некоторого числа этих держав. Никто, или почти никто, не хотел бы этого. Более того, это создало бы неразрешимую проблему, а именно, проблему того, что следует предпринять в случае, если рекомендация Генеральной Ассамблеи не будет выполняться некоторым числом держав, включая и некоторые великие державы. Престиж Генеральной Ассамблеи, который, по-видимому, и так не очень высок, пострадает от этого еще больше.

Будем же разумны и восстановим дух сотрудничества, приняв и в этом случае первоначальный

текст Комитета *ad hoc*; нам не следует пытаться переписывать Устав, вместо того чтобы вносить в него поправки; а если мы хотим внести поправки, то необходимо следовать форме, предусмотренной Уставом.

Мне почти нечего сказать в отношении резолюции V, поскольку в ней мы находим ту же тенденцию, которая присуща исправленной резолюции III, а именно — стремление установить юрисдикцию Организации Объединенных Наций в отношении вопросов, касающихся самоуправляющихся территорий. В первоначальном проекте резолюции Комитета *ad hoc* специальный комитет, который надлежит учредить, может лишь представлять рекомендации процедурного характера, касающиеся исключительно технических вопросов вообще, а не той или иной территории в частности. Согласно измененной Четвертым комитетом резолюции специальный комитет может рекомендовать, как гласит доклад Четвертого комитета (документ A/424), любые меры, «какие он сочтет подходящими». Это включает рекомендации относительно политики, которая должна проводиться на тех или иных территориях, и дает Организации Объединенных Наций в известной степени право голоса в отношении мероприятий, проводимых суверенной державой.

Совершенно очевидно, что резолюция в том виде, как она была изменена Четвертым комитетом, находится в прямом противоречии с пунктом 7 статьи 2 Устава, который ясно запрещает какое бы то ни было вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства. Само собой разумеется, что если бы эта резолюция была принята, то мы, а также, как я полагаю, и все державы, управляющие самоуправляющимися территориями, были бы вынуждены отказаться от широкого сотрудничества в деле выполнения этой резолюции, как бы мы к нему ни стремились.

Из всего вышеизложенного очевидно, что имеется единственный разумный выход, который сводится к следующему: отклонить резолюции II, III и V в том виде, в каком они были исправлены Четвертым комитетом, и принять первоначальный текст Комитета *ad hoc*, одобренный в Комитете подавляющим большинством. Только в этом случае работа Комитета не будет напрасной; только так мы сможем обеспечить полное сотрудничество со стороны управляющих держав, сотрудничество, которое, как я в этом убежден, будет оказано безоговорочно.

Если же мы примем резолюцию, измененную Четвертым комитетом, то мы не добьемся никаких определенных результатов в отношении представления информации, согласно статье 73 *e* Устава, и решение вопроса останется на той же стадии, на какой оно было в прошлом году.

Для разумных людей, сознающих свою ответственность за прогресс самоуправляющихся территорий и их населения, стремящихся к наилучшему обеспечению их благополучия, выбор не

² См. документ A/424.

является таким уж трудным. Я полагаю, что я могу закончить, просто обратившись к вашему здравому смыслу и надеясь на тот живой интерес, который вы проявили к этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

Г-н ШТЕЙН (Союз Советских Социалистических Республик): Представители государств, ответственных за самоуправляющиеся территории, утверждают, что статья 73, за исключением своего пункта *e*, вообще не является обязательством, принятым на себя этими государствами — членами Организации Объединенных Наций. Статья 73, говорят нам, является лишь декларацией, односторонним заявлением стран, ответственных за самоуправляющиеся территории. Эту концепцию советская делегация считает неправильной. Устав Организации Объединенных Наций не является декларативным документом. Это договор, который заключили между собой государства, создавшие Организацию, и к которому присоединяются другие государства, вступающие в Организацию и дающие обещание этот договор выполнять. Вот почему мы считаем, что глава XI не является простой декларацией, не имеющей того обязательного значения, которое имеют другие главы Устава. Подтверждением этого являются слова статьи 73, в которой говорится, что члены Организации Объединенных Наций, ответственные за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, «...принимают *обязательство* максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом». И с этой целью, говорится дальше в статье 73, принимают на себя ряд конкретных обязательств, упомянутых в обозначенных пунктах *a*, *b*, *c* и *d* этой же статьи 73.

Из сказанного вытекает, что международная организация, такая как Организация Объединенных Наций, в особой статье устанавливает обязательства своих членов в отношении самоуправляющихся территорий. Если эти члены Организации, подписав Устав, приняли на себя подобное обязательство, ясно, что Организация интересуется и не может не интересоваться вопросом о том, как выполняются отдельными членами эти обязательства. Отсюда в свою очередь вытекает право Организации Объединенных Наций изучать доставляемую информацию, а равно и право организации принимать и другие меры для того, чтобы удостовериться, как выполняются эти обязательства, принятые на себя отдельными ее членами в отношении самоуправляющихся территорий. Именно поэтому все действия государств — членов Организации, отвечающих за самоуправляющиеся территории, согласно статье 73, имеют не добровольный и произвольный характер, а являются обязательствами, налагаемыми Уставом Организации Объединенных Наций.

Отсюда я перехожу к вопросу о характере информации, согласно статье 73 пункт *e*. Представители государств, несущих ответственность за самоуправляющиеся территории, в частности представитель Нидерландов, который выступил сегодня, утверждают, что пункт *e* статьи 73 Устава не содержит обязательства для этих государств представлять Генеральному Секретарю политическую информацию, касающуюся самоуправляющихся территорий, и что они обязаны передавать лишь информацию, касающуюся социальных и экономических условий.

С таким толкованием статьи 73 делегация Союза Советских Социалистических Республик согласиться не может по двум основаниям.

Прежде всего пункт *e* статьи 73 невозможно отделить от других пунктов этой же статьи. Между тем достаточно процитировать, например, пункт *b* этой же статьи для того, чтобы увидеть, что государства, несущие ответственность за самоуправляющиеся территории, принимают на себя обязательства «развивать самоуправление, учитывать должным образом политические стремления этих народов и помогать им в прогрессивном развитии их свободных политических институтов...»

Совершенно очевидно, что Организация Объединенных Наций не только вправе, но и обязана удостовериться в том, как выполняются указанные обязательства теми членами Организации, которые эти обязательства на себя приняли. Именно для этой цели и должна служить информация, получаемая по пункту *e* статьи 73.

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что информацию, относящуюся к экономическим и социальным условиям, упоминаемым в пункте *e* статьи 73, совершенно невозможно отделить от информации политической. Социально-экономические условия жизни населения самоуправляющихся территорий тесно связаны с политическими условиями развития этого населения. Условия, касающиеся труда, образования, здравоохранения, социального страхования и т. д., зависят в значительной степени от участия самого населения в органах управления и самоуправления. Таким образом, процесс политического развития населения имеет своим результатом повышение социально-экономических условий его жизни, а эти условия тесно связаны в свою очередь с его политическими стремлениями к самоуправлению и независимости. Вот почему сообщать статистические данные, касающиеся социально-экономических условий, не сообщая в то же время данных, касающихся политического прогресса населения, о чем говорит та же статья 73 Устава в пункте *b*, значит давать неправильную картину, извращать действительное положение вещей.

О чем все это говорит? Не желая брать на себя обязательство представлять политическую информацию о самоуправляющихся территориях, представители государств, несущих ответствен-

ность за эти территории, хотя ли они этого или не хотят, подчеркивают, что им есть что скрыть от Организации Объединенных Наций, а тем самым от общественного мнения всего мира. Если бы это было не так, не было бы никаких мотивов, чтобы отказываться от представления информации, касающейся политического прогресса населения самоуправляющихся территорий.

Вот почему делегация СССР настаивает на принятии резолюции III в том виде, в каком она была принята в Четвертом комитете, то есть в редакции, устанавливающей принцип обязательности политической информации о самоуправляющихся территориях.

Что же касается резолюции II, в частности ее шестого пункта, делегация СССР возражает против поправки (документ A/436), внесенной к этому пункту делегациями Бразилии, Дании, Соединенных Штатов Америки, Франции, Нидерландов, Никарагуа и Уругвая. Смысл этой поправки заключается в устранении из пункта 6 указания на то, что сравнение данных, относящихся к самоуправляющимся территориям, может производиться не только между этими территориями, но и между ними и их метрополиями. Вместо этого предлагается сказать, что сравнение может иметь место между данными, «которые по своему характеру дают возможность произвести сравнения», не упоминая о метрополиях.

Само собой разумеется, что можно производить сравнения только сравнимых данных. Никто и не предлагает сравнивать несравнимые данные. Делегация СССР считает, — и ее мнение было разделено большинством Четвертого комитета, — что данные, касающиеся самоуправляющейся территории и ее метрополии, вполне сравнимы по целому ряду вопросов. Конечно, если, например, на какой-либо самоуправляющейся территории бывает тропическая лихорадка, а в метрополии такой болезни не бывает и не может быть, то сравнивать данные, относящиеся к этой болезни, никто не вздумает. Это не исключает сравнения других и притом сравнимых показателей по вопросам здравоохранения, труда и т. д.

Представитель Нидерландов сегодня, выступая с этой трибуны, сказал, что те, кто предлагает сравнивать данные самоуправляющихся территорий с данными метрополии, предлагают сравнивать яблоки с грушами. Я не согласен с таким определением. То, что предлагает делегация СССР, и то, что принято было Четвертым комитетом, представляется мне сравнением яблока с яблоней. Подобное сравнение яблок, которые произрастают в колониях от яблони-метрополии, может дать чрезвычайно интересные результаты. Мы можем посмотреть, какие яблоки произрастают в колониях от яблони-метрополии.

Вот почему предложение об устранении возможности сравнения данных между самоуправляющимися территориями и их метрополиями производит впечатление, что представители

метрополии боятся подобного сравнения, хотя его избежать.

Делегация Союза Советских Социалистических Республик считает, что подобное сравнение лишь поможет Организации иметь более полную картину того, насколько государства, несущие ответственность за самоуправляющиеся территории, выполняют те обязательства, которые они взяли на себя в силу статьи 73 Устава.

Отсюда вытекает и отрицательное отношение делегации Союза Советских Социалистических Республик к поправке (документ A/438), предложенной к резолюции V. Эта поправка имеет своей задачей сузить компетенцию Комитета *ad hoc* по информации о самоуправляющихся территориях. В прошлом году колониальные государства боролись против самого создания этого Комитета. Когда, однако, Комитет, вопреки им, был создан, они всячески теперь стремятся сузить его работу. Представитель Нидерландов, выступая сегодня, распространялся на тему о том, что термины «колониальная политика» и «колониальная система» являются устаревшими терминами. Я должен ему возразить: факты и именно факты говорят о другом, они говорят о том, что колониальная политика ряда стран продолжается, хотя ее пытаются назвать другими именами.

Борьба против сужения функций и деятельности Комитета соответствует интересам колониальных держав, но она противоречит обязательствам статьи 73. Вот почему делегация Союза Советских Социалистических Республик высказывается за текст пятой резолюции, предложенной Четвертым комитетом, и против поправки.

Г-н Аранья покидает председательское место и его заменяет г-н Вышинский (СССР).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется представителю Колумбии.

Г-н СУРДИС (Колумбия) (говорит по-испански): Когда вопросы, рассматриваемые сегодня Генеральной Ассамблеей, обсуждались в Комитете по вопросам опеки, делегация Колумбии голосовала в поддержку решений, принятых этим Комитетом, которые в настоящее время переданы на рассмотрение пленарного заседания Генеральной Ассамблеи.

Делегация Колумбии поэтому хотела бы изложить Генеральной Ассамблее причины, по которым она голосовала в поддержку этих решений, а также причины, по которым она вновь подтверждает свое голосование. Я не собираюсь обсуждать один за другим все пункты вопроса или те выводы, которые были сделаны. Придерживаясь рекомендации, сделанной нашим Председателем г-ном Араньей, в целях краткости, я ограничусь рассмотрением в целом значения принятых решений и общей формы, в которой они представлены.

Делегация Колумбии считает, что в нынешней дискуссии есть один основной момент. Его мож-

но было бы сформулировать следующим образом: каждый раз, когда Генеральная Ассамблея или какой-либо из ее Комитетов должны принять резолюцию в рамках положений Устава Сан-Франциско, немедленно поступают возражения со стороны колониальных держав или непосредственно заинтересованных стран, которые считают, что применением положений Устава в той или иной степени ущемляются их национальные интересы.

Делегация Колумбии отнюдь не стремится принизить роль и значение конституционного режима стран, участвующих в этой Ассамблее, или уважения, которого каждый из них заслуживает; однако, являясь членом группы государств, которые воспитаны на свободных демократических идеалах и не знали, что такое феодальный строй, которые в пределах своих собственных территорий не имеют крупных экономических интересов, вынуждающих их к откровенному национализму, Колумбия особенно стремится изложить свою позицию по этому вопросу.

Мы заслушали представителя Бельгии, который в своем большом выступлении в категорической форме заявил, что отношения между метрополиями и колониями подпадают под юрисдикцию конституционной системы заинтересованной страны и что поэтому невозможно, согласно некоторым статьям Устава, допустить, чтобы решение Генеральной Ассамблеи затрагивало само действие этой системы.

Если страны, которые имеют больший исторический опыт, страны, богатые и имеющие значительные вооруженные силы, не будут толковать Устав с международной точки зрения, как и следует его толковать, то позволительно спросить, как собираются великие державы выполнять положения Устава, если всякий раз, когда мы хотим достичь какого-либо решения, мы сталкиваемся с оговорками националистического толка. Слушая представителя Бельгии и некоторых других представителей колониальных держав в Комитете по вопросам опеки, я думал о том, что все их высказывания являются продуктом старой концепции международного права, той устаревшей концепции, согласно которой международное право управляет лишь отношениями между государствами, что государства являются абсолютно суверенными единицами, и согласно еще более ограниченной точке зрения, личность не может рассматриваться в качестве субъекта международного права.

Если мы применим к Уставу Организации Объединенных Наций эти три вывода, основанные на устаревшем доктринерском толковании, то, по моему мнению, лучше сразу закрыть нашу Организацию, ибо абсолютно невозможно в какой-либо форме совместить универсальность, лежащую в основе Устава, с узким толкованием международного права, к которому стремятся некоторые представители колониальных держав. И здесь я хотел бы сказать, что я полностью сознаю ту ответственность, которую берет на себя

представитель малой страны, решаясь на подобного рода утверждения.

В намерения делегации Колумбии не входит начинать спор с колониальными державами, противопоставляя им свой тезис. В ее намерение также не входит осуждение колониального режима на Генеральной Ассамблее. Здесь, видимо, уместно напомнить некоторые слова, которые были сказаны в Четвертом комитете³. Мы признаем, что колониальная система оказалась полезной в весьма многих случаях; мы признаем, что она является наилучшим способом, чтобы постепенно, путем прогрессивной, медленной, но непрерывной эволюции подвести слаборазвитые в политическом отношении народы к возможности повысить их политическое сознание и стать независимыми государствами, способными занять свое место рядом с нами на этой Ассамблее и тем самым превратить ее в действительно всемирную ассамблею наций. Мы знаем, что Англия, например, может считаться учителем человечества; мы знаем, что мир обязан ей созданием многих независимых государств, которые она постепенно провела через стадию колониального развития; и то, что делает Англия, может также сделать Франция, приняв свою последнюю конституцию, а также Бельгия и Нидерланды и все те государства, которые все еще управляют самоуправляющимися территориями.

Но признание этого факта никоим образом не должно заставить Ассамблею согласиться, как это здесь утверждалось, с тем, что отношения между колониями и метрополиями подпадают исключительно под юрисдикцию внутреннего конституционного права соответствующих метрополий.

Если бы это было так, то статья 73 Устава главы XI, а также глава XII о «международной системе опеки» были бы излишними; я полагаю, что вся Ассамблея согласится с тем, что эти главы требуют юридического толкования, чтобы придать им некоторый практический смысл, вместо того чтобы оставлять их в качестве простого изложения идеалов.

Нам следует привыкнуть рассматривать Устав в качестве наднационального статута. И если применение Устава вступает в конфликт с различными конституционными системами, то не Устав надо менять и не жертвовать его толкованием, а внутренняя конституционная система в каждой стране должна быть приведена в соответствие с положениями Устава. Чем меньше будет национализма и чем больше будет международной солидарности в нашем толковании Устава, тем увереннее мы будем в том, что сможем осуществить наш долг в интересах всеобщего мира.

Некоторые из представителей — я вспоминаю, в частности, выступление представителя Перу — весьма красноречиво рассказали в нашем Комитете⁴ о том, как принцип абсолютного националь-

³ См. документ A/C.4/SR.42.

⁴ См. документ A/C.4/SR.39.

ного суверенитета постепенно исчезает. В настоящее время невозможно совместить понятие абсолютного суверенитета с международным правом государств; государство не может быть одновременно суверенным и подчиняться международному праву. Постепенно эти принципы уступили место новому толкованию последних международных событий. Именно эти принципы в ходе нынешнего обсуждения подвергаются опасности: либо строгое толкование конституций возьмет верх, либо оно уступит место разумной необходимости поставить Устав над многими принципами, которые ошибочно считают основными, но которые на самом деле не являются таковыми.

Моя делегация и я лично хорошо помним о существовании пункта 7 в статье 2 Устава, согласно которому Устав не может толковаться или применяться в нарушение конституционной системы какого-либо государства. Но не следует, однако, забывать, что мы имеем дело не с двумя суверенными государствами, а скорее с одним суверенным государством, которое называется метрополией, и с несuverенным государством, называемым колонией. Выражение «суверенная колония» состоит из противоречивых терминов, исключаящих друг друга.

Не следует поэтому упоминать пункт 7, поскольку мы имеем дело не с суверенным государством, а с колониальным народом, имеющим определенный и специфический конституционный строй, подпадающий под действие глав XI и XII Устава.

Возможно ли соглашаться с абсолютным суверенитетом государства и отрицать то положение, что личность должна подчиняться международному праву, когда в памяти Генеральной Ассамблеи еще свежи недавние случаи, подтверждающие обратное? В 1914 или, точнее, в 1918 году невозможно было предать суду кайзера Вильгельма II по той причине, что принцип суверенитета и отсутствие ответственности государства не давал достаточной юридической основы державам, которые хотели это сделать; сейчас же заседает трибунал в Нюрнберге, который судит военных преступников и тех, кто несет ответственность за варварские действия гитлеровцев.

Я хотел бы спросить, от чьего имени судьи в Нюрнберге выносят свои приговоры? Американские судьи выносят их от имени Соединенных Штатов, а британские судьи — от имени Соединенного Королевства? Ничего подобного. Их компетенция основывается не на компетенции каждой из стран, подданными которой они являются, а на праве более высокого порядка, каким может быть лишь право наций, освященное Уставом. Согласно праву наций, мы решили ликвидировать различие, которое существовало между правителями, правительствами и государствами. Сегодня все три понятия превратились в одно; сегодня мы согласились с тем, что война является преступлением, особенно агрессивная война, и если она является международным преступлением, то право

наций имеет дело с актом, требующим наказания, и с виновником, который должен понести это наказание. Таково юридическое основание Нюрнбергского трибунала. Что не было юридически возможным в 1918 году, что не могло быть осуществимо в то время, вполне практически осуществимо сейчас.

Я мог бы привести вам и другие примеры в подтверждение этого тезиса. На основании какого права, например, осуществляется защита меньшинств? В чем состоит эта защита? Она заключается просто-напросто в том, чтобы охранять небольшие расовые группы от злоупотреблений, допускаемых государством, в котором они живут. Если бы конституционный правовой режим государства, в котором проживает то или иное меньшинство, имел абсолютный или суверенный характер, то не было бы средств для защиты меньшинства. И тем не менее никто не собирается здесь оспаривать юридический принцип защиты меньшинств, записанный в Уставе Организации Объединенных Наций. А когда Устав говорит, что целью Организации Объединенных Наций является равенство людей без различия пола, цвета кожи, расы или религии, то что все это означает? Это означает, что через все границы государств действует международное публичное право, согласно которому личность является субъектом этого права.

Таковы принципы, которые не прямо, но косвенно затрагиваются в нашей дискуссии. Либо мы воспользуемся этой возможностью, чтобы рассмотреть Устав Организации Объединенных Наций в качестве конституции конституций, которой должны соответствовать конституции отдельных государств, либо мы проголосуем против этих выводов и этим будем отрицать не только конкретные факты, которые обсуждаются в настоящее время, но — что гораздо более опасно и, возможно, более важно — мы также станем отрицать основные принципы, затронутые в ходе обсуждения вопросов, представленных на рассмотрение Генеральной Ассамблеи.

Нам хотелось бы сказать, что из четырех решений, которые принял Комитет по вопросам опеки, центром и основой данного обсуждения, с нашей точки зрения, является поправка, предложенная делегацией Союза Советских Социалистических Республик⁵ относительно обязательства держав передавать политическую информацию о степени участия местного населения в работе органов управления в колониях или, говоря проще, обязательства представлять Генеральной Ассамблее политическую информацию. При всем моем уважении к иной точке зрения, я полагаю, что простое обращение к положениям Устава без каких-либо особых его толкований приводит нас к выводу о том, что державы несут конкретные обязательства по представлению тех политических сведений Ассамблее, о которых я упомянул.

⁵ См. документ A/424.

Действительно, статья 73 гласит: «Члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными...» Позволиительно спросить, каким образом мы должны толковать этот текст сам по себе и во взаимозависимости, как мы понимаем слова «интересы населения этих территорий являются первостепенными», если для защиты этих интересов Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций не дано право получать информацию относительно того, каким образом развиваются народы политически в направлении к независимости?

Делегация Колумбии не собирается утверждать, что система опеки является единственным и наиболее эффективным путем, подводящим народ к независимости. Отнюдь нет. У нас есть недавний пример с Филиппинами, которые достигли независимости без системы опеки. Но на основании этих примеров не следует делать вывод, что положения Устава неприменимы к странам, которые не достигли еще социальной зрелости и поэтому не способны достичь независимости и свободы.

Указанная статья Устава далее гласит, что они «как священный долг принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом, и с этой целью: а) обеспечивать, соблюдая должное уважение к культуре указанных народов, их политический... прогресс...» Каким образом Организация Объединенных Наций может узнать, выполняется ли обещание, записанное в Уставе, относительно того, чтобы способствовать политическому прогрессу местного населения самоуправляющихся территорий, если Генеральной Ассамблее не передаются политические сведения о том, что происходит на этих территориях?

Это не отдельно взятое заявление. Читая дальше, мы убеждаемся, что такое толкование Устава является неизменным, что неизменным было, по мысли авторов Устава в Сан-Франциско, стремление способствовать политическому прогрессу, и что все это приводит нас к выводу о том, что, только получая политическую информацию, Генеральная Ассамблея может узнать о том, соблюдаются ли обещания, записанные в Уставе. В пункте *b* этой же статьи читаем: «развивать самоуправление, учитывать должным образом политические стремления этих народов и помогать им в прогрессивном развитии их свободных политических институтов...»

Видимо, нет необходимости заниматься подробным разбором текста, для того чтобы доказать, что принципы, которые мы обсуждаем, находят свою законную основу в Уставе; достаточно должно быть простого буквального примене-

ния текстов, чтобы доказать, что стремление способствовать развитию и политическому прогрессу народов, а не только отдельных личностей, развивая в них политическое сознание их права на самоопределение, а также политическое сознание их институтов, было непреложным в Сан-Франциско и должно быть таковым на Генеральной Ассамблее. Итак, Устав идет еще дальше в этом направлении. В свете столь ясного изложения этих принципов допустима ли сама мысль дискутировать обязательство, возложенное на державы в отношении передачи политической информации?

Затем пункт *e* той же статьи, на который, как видно, ссылаются те, кто утверждает, что передача политической информации якобы не является обязательной, гласит, что информация должна быть только статистического, специального или социального характера. Предположим, что это так. Но разве политика не является одной из социальных наук, и если необходимо способствовать социальному прогрессу, то из этого косвенно следует, что политический прогресс также должен поощряться, поскольку мы согласны с тем, что политика входит в группу так называемых социальных наук.

Но даже если бы мы хотели дать ограничительное толкование этой концепции, то и тогда мы не могли бы толковать текст в отрыве от контекста в целом. Необходимо рассматривать его как часть целого, в соответствующем контексте, в связи с соответствующей главой и заголовком. Рассматриваемые с этой точки зрения все тексты неизменно подводят нас к правильному и полному толкованию положений, касающихся обязательства держав передавать политическую информацию как средства, при помощи которого Генеральная Ассамблея будет решать, правильно ли применяются различными державами положения Устава.

Для нас, народов Латинской Америки, колониальные проблемы представляют не только чисто юридический или философский интерес; они представляют большой исторический интерес и очень близко нас затрагивают. Я считаю, что недалек тот день, — я надеюсь на это, — когда народы континентальной Америки станут полностью независимыми, и страны на севере Центральной Америки, или на крайнем востоке американского континента, или в районе южных морей, которые являются сейчас колониями, смогут объединиться со странами, близкими им по языку, истории, обычаям и традициям, и население этих районов станет равноправными гражданами, равными перед законом и перед национальными законами своих стран.

Выражая эту надежду, я хотел бы заявить, что делегация Колумбии не согласится с какими-либо изменениями текста резолюции III, одобренной Комитетом по вопросам опеки. Она будет голосовать за текст без каких-либо поправок, как она голосовала в Комитете за выводы, к которым тот пришел. От имени моей страны я предлагаю про-

голосовать за эти резолюции, учитывая как их конкретное содержание, так и заложенные в них принципы, проголосовать с полным пониманием того, что, поступая таким образом, мы не только оказываем поддержку резолюциям, одобряющим систему опеки, но и поддерживаем основной и высокий принцип, а именно толкование Устава, стоящее выше узкого национализма, отношение к нему как к высшей конституции, конституции конституций, согласно которой должны быть постепенно изменены все устаревшие концепции, столь часто мешавшие установлению мира на земле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется представителю Новой Зеландии.

Сэр Карл БЕРЕНДСЕН (Новая Зеландия) (*говорит по-английски*): Я имел честь и преимущество, а также одновременно и удовольствие председательствовать в Четвертом комитете, рекомендации которого вы сейчас рассматриваете.

Этот Комитет был очень хорошим Комитетом. Он работал серьезно и ревностно, и он сумел выполнить возложенные на него задачи быстро и в обстановке, которая была значительным и весьма ободряющим достижением, если сравнить ее с той недоброжелательной обстановкой, которая создалась в нем на предыдущей сессии Генеральной Ассамблеи. Я повторяю, это был хороший Комитет, но у него были свои заблуждения.

Я уверен, что мои коллеги и друзья по этому Комитету — а за время дебатов мы действительно стали друзьями, и хорошими друзьями, — не взыщут, если я скажу то, что не мог сказать, занимая председательское кресло, а именно — что по крайней мере одно из решений Комитета свидетельствует о полнейшей безответственности. Я повторяю: о полнейшей безответственности. В данном случае очень уместным было бы американское выражение *hauwige*. Если этот Комитет, хороший, серьезный, сознающий свою ответственность Комитет, мог допустить безответственность, то позволительно спросить: а другие Комитеты, а сама Генеральная Ассамблея?

Я надеюсь, что мне позволят высказать вкратце несколько общих соображений по вопросу о безответственности. В качестве оправдания моего выступления я подчеркну, что придаю огромную важность такому органу Организации Объединенных Наций, как Генеральная Ассамблея, и я искренне надеюсь, что она навсегда сохранит свое решающее и сильное влияние, как выражение общественной совести мира.

Ввиду бездействия Совета Безопасности представляется вероятным, что в будущем Генеральная Ассамблея будет призвана осуществлять более значительную и более серьезную долю работы по сравнению с той, которую она выполняла до сего времени. Следовательно, по моему мнению, становится необходимым, абсолютно необходимым, чтобы Генеральная Ассамблея и ее Ко-

митеты подходили к каждому вопросу, представляемому на их рассмотрение, с полной ответственностью.

У нас здесь нет права вето; каждый член имеет один голос, одинаковый голос, независимо от каких-либо соображений значимости или влияния. Система «одно государство — один голос» может быть подвергнута критике, как, впрочем, может подвергаться вполне законной критике и система голосования в Совете Безопасности. Не может быть сомнений, что принцип «одно государство — один голос» подвергнется критике, если каждое из государств, представленных на Генеральной Ассамблее, не будет использовать свой единственный и равноправный голос с полным сознанием связанной с этим ответственности.

Всегда ли решения Генеральной Ассамблеи и ее Комитетов принимаются с должным сознанием ответственности? Я считаю, что не всегда. Если мне будет позволено занять еще несколько минут, я напомним те случаи, при которых, как мне кажется, это чувство ответственности отсутствовало. Я не думаю, что это будет неуместным, а затем я сразу же перейду к рассмотрению уместности и ответственности некоторых принятых нами решений о самоуправляющихся территориях.

Рассмотрим один или два аспекта, которые, по моему мнению, свидетельствуют о том, что не было полной и надлежащей ответственности. Никто из присутствующих здесь не будет, да и не сможет отрицать, что на Генеральной Ассамблее, как сказал глава делегации Индии, имела место купля-продажа голосов. Разумеется, я не хочу сказать, что голоса покупались за деньги, но торговля действительно имела место, и за голоса платили голосами — «голосуйте за меня в этом вопросе, а я буду голосовать за вас в другом». Голоса, являющиеся предметом такой торговли, отдаются без сознания ответственности, без учета достоинства того или иного вопроса. Это не метод голосования.

Другим аналогичным примером безответственности является система голосования «блоком», которая возникла в последнее время. Пусть мне не говорят, что то, с чем мы столкнулись даже на этой сессии и во многих других случаях, то есть случаи, когда группы держав голосовали «блоком», является хорошей системой. Некоторые из этих блоков довольно крупные; они могут стать еще сильнее и фактически превратиться в вето по каждому важному вопросу, требующему решения большинством в две трети голосов. Подобные действия не являются проявлением надлежащего чувства ответственности.

При всем моем уважении к ним я хотел бы предложить державам, голосующим «блоками», должным образом считаться с возможными последствиями того, что может, на мой взгляд, превратиться в серьезное злоупотребление процедурой голосования в Генеральной Ассамблее.

Сколько раз мы уже видели, как на нынешней Генеральной Ассамблее высокоуважаемые члены Организации Объединенных Наций указывали на ошибки, недостатки и слабости других, не будучи сами от них свободными. Это довольно распространенный человеческий недостаток — «в своем глазу не видеть и бревна, в чужом соринку замечая».

На последних заседаниях Генеральной Ассамблеи, неделю или две тому назад, у нас был другой пример практики, на которую я обращаю ваше внимание. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, которая вносила изменение в обязательства участников некоторых конвенций, касающихся торговли женщинами и детьми⁶. Я рекомендую представителям в порядке интересного умственного упражнения поинтересоваться тем, кто из делегаций, голосовавших за эту резолюцию, представляет страны, являющиеся участниками этих конвенций и несущие в связи с этим определенные обязательства.

Государство-член, внесшее эту резолюцию, представляет собой страну, не являющуюся участником такой конвенции. Представители, конечно, помнят красноречивое выступление — одно из самых ярких, которые я когда-либо слышал, — делегата другого государства, который начал свою речь с того, что честно, искренне и мужественно признал, что он не знаком с вопросом, что, однако, не помешало ему обратиться с самым горячим и волнующим призывом к тем представителям, которые, в отличие от него, были знакомы с этим вопросом, и правительства которых взяли на себя известные обязательства согласно конвенциям в отношении того, что им надлежит делать.

Я не оспариваю ни права, ни мотивы, по которым любое государство может отказаться от участия в той или иной конвенции. Но я со всей серьезностью подчеркиваю, что ненормальным является такое положение, когда те, кто не брал на себя обязательств, вытекающих из конвенций, считают себя вправе устанавливать правила поведения для тех, кто взял на себя такие обязательства. Разве это ответственное отношение? Я уверен, что Генеральная Ассамблея согласится со мной, что «своя рубашка ближе к телу».

Наконец, в качестве примера и с тем, чтобы подойти к предмету наших прений, я хотел бы отметить наличие общего и вполне понятного предубеждения по отношению к колониальному режиму, который проявился в ходе обсуждения вопроса о несамоуправляющихся территориях, — а я принимал в этом обсуждении непосредственное участие как на последней Генеральной Ассамблее, так и на текущей сессии, а также в Комитете *ad hoc*, в котором я имел честь председательствовать.

Разрешите мне тут же сказать, что в некотором отношении и в некоторых аспектах я разделяю

это предубеждение. Однако, мне кажется, я был свидетелем того, как подчас вопросы решались не в зависимости от их существа, а в свете этого общего предубеждения, когда руководствовались чувствами, а не разумом, и решали голосами тех, кто не имел необходимого опыта управления колониями и зачастую никогда не видел ни одной колониальной территории.

Я могу говорить об этом с тем минимумом знаний, которыми я располагаю в результате длительного опыта действительного управления островными территориями Новой Зеландии, в которые входят бывшая подмандатная территория Западное Самоа — теперь территория под опекой — и острова Кука. Кстати, острова Кука являются неотъемлемой частью Новой Зеландии, несмотря на это правительство Новой Зеландии, либеральная позиция которого в вопросах колониального управления хорошо известна, добровольно представило о них доклад, как о несамоуправляющихся территориях.

Моя страна никогда не извлекала каких-либо выгод из управления этими территориями, никогда не стремилась к этому и не будет стремиться. Ее единственной целью было и всегда будет благосостояние проживающих там народов. В качестве представителя правительства, которое занимается в этом вопросе либеральную позицию, я могу выступать без каких-либо недомолвок по этому вопросу.

Во-первых, я могу на личном опыте засвидетельствовать, что имеется громадная разница между изложением точки зрения о том, как и что следует делать, и практическим осуществлением, являющимся длительным, сложным и трудным процессом. Речь идет не о тюках с товаром, а о живых людях, желания которых надо уважать, с традициями которых следует считаться, и которые, как и мы все, мало склонны к тому, чтобы принимать чужие советы.

Управление колониями является трудным, деликатным и сложным делом; для того чтобы достичь результатов, к которым стремятся все хорошие управляющие власти, необходимо иметь время, время и терпение. Давайте признаем, что есть отсталые народы, которые еще не способны осуществлять управление своими делами. В этом не должно быть никакого сомнения. Я думаю, что с этим все согласятся. Однако если есть на этот счет сомнения, то я вынужден буду указать, что сама Генеральная Ассамблея подтвердила это. Если, следовательно, существуют отсталые народы, то совершенно очевидно, что кто-то должен оказывать помощь этим отсталым народам в развитии, с тем чтобы они сами могли руководить своими делами; это единственное оправдание существования колониальной системы.

В соответствии с прежней мандатной системой, а также с нынешней системой опеки были приняты меры для обеспечения международного контроля над некоторыми из этих территорий. Разумеется, проблема отсталых народов существова-

⁶ См. 97-е пленарное заседание.

ла еще задолго до создания Лиги Наций или Организации Объединенных Наций как следствие исторического развития, о котором здесь нет необходимости говорить. Сам Устав разрешает продолжение существования этой колониальной системы наряду с системой опеки.

Мы можем сразу же договориться по вопросу о том, принадлежим ли мы к категории колониальных держав или же к категории держав неколониальных. Мы можем сразу же договориться по вопросу о том, что в истории колониальной системы есть такие моменты, которые серьезно защищать сегодня невозможно, которые никто не думает защищать серьезно и фактически не защищает. Время от времени имела место эксплуатация колониальных народов. В некоторых случаях имели место репрессии и угнетение, и многое в истории колониальной экспансии, как, впрочем, в истории всех народов-завоевателей на всех континентах, ибо отсталые народы проживают не только на островах или в колониях, достойное сожаления.

Вне всякого сомнения в этом прискорбном прошлом было совершено немало плохого. Но я считаю необходимым, для того чтобы сохранить чувство пропорций, помнить о том, что это прискорбное прошлое было плохим и по многим другим причинам, а не только из-за колониальной системы. Трудящиеся повсюду эксплуатировались и угнетались; комфорт и роскошь были привилегией немногих, а не большинства, социальная справедливость, какой мы знаем ее теперь и видим ее в развитии, не была еще известна. Значительный прогресс был достигнут в области социального сознания и человеческих отношений даже на протяжении моей жизни. Я полагаю, что этот прогресс нигде не был столь велик, как в колониях.

За свою жизнь я имел возможность познакомиться с положением во многих колониях; я согласен, что в большинстве это были британские колонии, но и не только они. Меня не легко чем-либо удивить, — достигнув моего возраста и обладая моим опытом, трудно не сделаться в какой-то степени циником и человеком разочарованным, — но я должен сказать, что я видел многое, что является крайне обнадеживающим, а во многих случаях — вдохновляющим, в деле управления колониальными территориями в разных частях земного шара. Пусть поверит мне Генеральная Ассамблея, что произошла революция в управлении колониями, в значительной степени связанная с усилиями, которым посвятили себя некоторые выдающиеся должностные лица, такие как лорд Лагард и многие другие.

Я полагаю, и это является моим обдуманым и серьезным мнением, что администрация колониальных территорий не должна теперь бояться сравнения с другими суверенными или несуверенными территориями, где существует такое же положение и имеются аналогичные проблемы. Конечно, многое еще остается сделать; однако я считаю свершившимся фактом, что колониальное

управление представляет собой непрерывный процесс, и даже те, кто подобно мне столь же горячо верит, что основной целью и задачей, к которой должна стремиться любая колониальная администрация, является самоуправление и самоуправление в возможно более короткий срок, не должны забывать, что колониальная администрация не обязательно означает угнетение, моральное одичание или неэффективность.

В действительности человек, видевший то, что видел я, должен сделать иной вывод. Мне кажется совершенно необходимым, чтобы некоторые из нас пересмотрели свою точку зрения на обсуждаемый нами колониальный вопрос. Безусловно необходимо, чтобы мы решали вопросы, связанные с колониальными проблемами, не ставя прежде всего под сомнение намерения и возможности колониальной администрации, а основываясь на реальных фактах, как таковых и в их сравнении с суверенными или несуверенными территориями, с которыми возможно такое сравнение.

Вот что можно и должно заявить в отношении колониального режима: он, по крайней мере, дал такое благо, как закон и порядок.

Теперь я перейду к резолюциям, которые представлены на наше рассмотрение. Комитет *ad hoc* по вопросу о самоуправляющихся территориях после долгих недель серьезных дискуссий одобрил ряд проектов резолюций⁷. Эти резолюции представляют собой компромисс, и мне кажется, в известной степени обидно, что Четвертый комитет отклонил этот компромисс. Что касается меня, то я буду поддерживать резолюции, направленные на то, чтобы вернуться к текстам, рекомендованным Комитетом *ad hoc*.

В Четвертом комитете было внесено, между прочим, предложение изменить текст одного из проектов резолюции. Что это была за резолюция? Давайте рассмотрим ее. Это была резолюция по вопросу об информации, которую державы, управляющие самоуправляющимися территориями, обязались в соответствии с Уставом передавать Организации Объединенных Наций. Теперь мы должны спросить себя: как следует поступать с этой информацией? Совершенно ясно, что она должна быть использована. Совершенно ясно, что она не должна быть положена под сукно и забыта.

Каким же образом надо использовать эту информацию? Вне всякого сомнения, наилучшим, если не единственным, способом использования этой информации является сопоставление ее с информацией, поступившей от других сравнимых территорий. Это именно тот метод, который был рекомендован Комитетом *ad hoc*⁸. Однако поправка, предложенная в Четвертом комитете и одобренная незначительным большинством, ограничивает это сопоставление только информацией такого же характера, получаемой от самой управ-

⁷ См. документ A/385.

⁸ См. резолюция II, документ A/385.

ляющей державы⁹. Разрешите мне повторить это заявление на тот случай, если кто-либо не захочет этому поверить. Действительно, мне и самому было бы трудно в это поверить, если бы факты не были налицо. Я повторяю, что информация должна сравниваться лишь с аналогичной информацией, получаемой от державы, на которую возложено управление данной территорией, и больше ни с какой другой информацией.

Может ли кто-нибудь сказать, что это принесет пользу? Может ли кто-нибудь считать это ответственным решением? Я не хотел бы, чтобы меня неправильно поняли, ибо я далек от мысли утверждать, что не может быть случаев, когда сопоставление самоуправляющихся территорий с державами-метрополиями может оказаться полезным. Однако будем разумными людьми. В громадном большинстве случаев будет совершенно очевидным для всех, кто не посчитает за труд изучить этот вопрос и хотя бы немного подумать над ним, что нельзя сравнивать самоуправляющуюся территорию и державу, которая ею управляет. Это все равно, что сравнивать зубную боль с церковным гимном. Здесь не может быть каких-либо норм для сравнения; эти вещи несопоставимы.

Давайте рассмотрим ситуацию. Держава-метрополия является *ipso facto* державой с высоко-развитой экономикой; самоуправляющаяся территория, наоборот, как предполагается, относится к территориям, экономика которых находится на крайне примитивном уровне развития. Население метрополии имеет высокий образовательный ценз и уровень развития; население самоуправляющейся территории, предположительно, является отсталым. Метрополия обычно расположена в зоне умеренного климата; самоуправляющаяся территория — обычно в тропической зоне. С точки зрения здравоохранения и санитарных условий положение также несравнимо: с одной стороны — тропические болезни, с другой — болезни умеренного климата. Как, например, можно сравнить процент заболеваемости малярией или проказой на самоуправляющейся территории и на территории метрополии, где этих заболеваний нет? Финансовая система, система образования, сельское хозяйство, правовая система, полиция, общественные институты — все это в действительности невозможно сопоставлять, и нет необходимости делать это. Эти примеры можно приводить до бесконечности.

Конечно, всякий разумный человек должен согласиться, что для того, чтобы эта информация от самоуправляющихся территорий стала предметом полезного сопоставления и из нее можно было бы извлечь практическую пользу, необходимо сравнивать данную информацию с информацией, получаемой от территорий, расположенных в той же зоне, независимо от того, являются ли эти территории самоуправляющимися или на них полностью осуществляется самоуправление.

⁹ См. резолюция II, документ A/424.

Такова цель резолюции, предложенной Комитетом *ad hoc*.

Что же мы имеем в настоящее время? По причинам, которые я не способен понять, мы должны в настоящее время ограничиться в том, что касается сопоставления, рассмотрения и использования этой информации, лишь сравнением информации между самоуправляющейся территорией и державой, которая ею управляет, — сравнением, которое в большинстве случаев будет со всех точек зрения абсолютно лишено какой-либо ценности.

Я, не колеблясь, заявляю, что резолюция, одобренная Четвертым комитетом, — а я повторяю, что это был хороший и серьезный Комитет, — была принята без должного рассмотрения и без должного чувства ответственности. Я, не колеблясь, утверждаю, что решения, принятые по этому поводу Четвертым комитетом, являются безрассудными, и я, не колеблясь, хочу добавить, что если Генеральная Ассамблея не изменит эту резолюцию, то она также проявит безрассудство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется представителю Индии.

Раджа сэр Магарадж СИНГ (Индия) (*говорит по-английски*): Я ограничусь тем, что изложу соображения относительно общей дискуссии и не буду останавливаться особо и, по крайней мере, подробно на проектах резолюций, представленных Генеральной Ассамблее. Я оставляю за собой право прокомментировать эти резолюции позднее.

В прошлом году глава XI Устава, вопрос о ее толковании и налагаемые ею обязательства, явились предметом многочисленных выступлений и прений¹⁰. Они выявили тот факт, что существовали различия в точках зрения, с одной стороны, между представителями государств, управляющих самоуправляющимися территориями, и теми, кто их поддерживал, стремившимися толковать статью 73 в чисто юридическом плане, и, с другой стороны, теми из нас, кто хотел дать этой статье более широкое толкование и, я позволю себе сказать, толкование международного характера.

Эти расхождения продолжают существовать и влекут за собой результаты, которые не только прискорбны, но, помимо всего прочего, рискуют подорвать гармонию внутри Организации Объединенных Наций по вопросу толкования и, что еще более важно, успешного применения главы XI Устава. Я хотел бы, чтобы как с одной, так и с другой стороны было проявлено больше стремления к компромиссу, в особенности если учесть тот факт, что управляющие державы, так же как и мы, считают первейшим долгом способствовать развитию самоуправления зависимых народов.

¹⁰ См. *Официальные отчеты второй части первой сессии Генеральной Ассамблеи*, пленарные заседания, стр. 290 и 336, а также Четвертый комитет, 14-е, 16-е, 18-е, 19-е, 20-е и 25-е заседания.

Спор идет главным образом по вопросу о передаче Организации Объединенных Наций управляющими державами так называемой политической информации. Действительно, в статье 73 говорится, что передаваться должна статистическая информация, а также другая информация специального характера, относящаяся к экономическим и социальным условиям, а также условиям образования. Но статью 73 необходимо брать как единое целое. Если нам будет передаваться информация о прогрессивном развитии свободных политических институтов и органов самоуправления (см. статью 73, пункт *b*), то какой ущерб это может нанести державам, ответственным за управление? Ведь последние не являются Шейлоками, требующими фунт мяса. В поддержку нашего аргумента можно сказать, что некоторые из этих государств — и я отдаю им дань своего уважения, — в действительности передают такую информацию или готовы ее передавать и, насколько можно судить, без какого-либо ущерба для них самих и для колониальных народов.

Позвольте в этой связи обратить внимание моих коллег на документ А/С.4/104 от 4 октября 1947 года, подготовленный Секретариатом в качестве рабочего документа. В третьем пункте раздела, озаглавленного «Вопрос о невключении слова «политический» в статью 73 *e* Устава» говорится, что когда представитель СССР напомнил на Конференции в Сан-Франциско о том, что было бы полезно добавить слово «политический» перед словом «экономический» в текст, который теперь стал статьей 73 *e* Устава, то ему ответили, что в Соединенных Штатах термин «политический» относится к политической деятельности и к политическим партиям. Я обращаю на это внимание моего друга г-на Сэйра. Это, очевидно, было чисто формальное замечание. Одно из преимуществ, вытекающих из передачи такой информации, будет здоровое соревнование колониальных держав за обеспечение политического прогресса народов, которыми они управляют.

Я не отрицаю, что юридический аргумент имеет некоторую силу. Он выдвинут, как это ни странно, видными представителями, которые, оспаривая в ходе других дебатов обязанность правительства Южно-Африканского Союза представить соглашение об опеке над Юго-Западной Африкой, тем не менее настойчиво просили его сделать это. Занимая такую позицию, они, очевидно, основывались на целях, или, если им это больше нравится, на духе Устава. Однако, когда речь идет о главе XI Устава, то здесь они очевидно отвергают даже дух статьи 73, которым мы просим их руководствоваться.

Далее, не отходят ли они, стремясь осуществить некоторые из своих желаний, от самой буквы Устава? Я сошлюсь в качестве примера на пункт 6 резолюции II в том виде, в каком он включен в доклад Комитета *ad hoc* (документ А/385) и который они хотят сейчас включить, для того, чтобы иметь возможность сравнить социальное и экономическое положение независимых госу-

дарств с социальным и экономическим положением на колониальных территориях. Не узурпируют ли они этим функции Экономического и Социального Совета? Мне достаточно напомнить статью 62 Устава и те широкие полномочия, которые она дает Совету. Вот текст этой статьи:

«Экономический и Социальный Совет уполномочивается предпринимать исследования и составлять доклады по международным вопросам в области экономической, социальной, культуры, образования, здравоохранения и подобным вопросам, или побуждать к этому других, а также делать по любому из этих вопросов рекомендации Генеральной Ассамблее, членам Организации и заинтересованным специализированным учреждениям».

В силу какой же статьи главы XI можно упоминать другие независимые государства, кроме тех, которые управляют самоуправляющимися территориями? Я прошу присутствующих представителей убедиться в том, что предложенные поправки (документы А/436, А/437 и А/438) ликвидируют все изменения, принятые Четвертым комитетом, и вернут нас снова к резолюциям Комитета *ad hoc*. Короче говоря, работа, которую выполнил Четвертый комитет, будет полностью сведена на нет. Этот Комитет мог бы, в таком случае, одобрить без обсуждения все пять резолюций, предложенных Комитетом *ad hoc*.

Глава XI была включена в Устав потому, что мы полагали, что в нашу эпоху, когда свобода, демократия и право народов на самоопределение признаны в качестве основных прав, существование самоуправляющихся территорий является анахронизмом, с которым следует покончить как можно скорее. Следовательно, любая мера, принимаемая Организацией Объединенных Наций, должна исходить из этой основной концепции. Многие представители с интересом и с чувством удовлетворения выслушали замечания, которые недавно сделал г-н Даллес, представитель Соединенных Штатов в Четвертом комитете: колониальный режим, сказал он, — далее я цитирую его собственные слова — «...устарел и должен быть ликвидирован как можно быстрее».

Я не слышал, чтобы хоть один из представительей государств, управляющих самоуправляющимися территориями, прокомментировал это ясное и резкое высказывание. Наоборот, некоторые представители колониальных держав заверяли нас, что народы, находящиеся под их управлением, развиваются на прочной основе, что они довольны управляющей властью и своим политическим прогрессом.

Личный опыт, который я приобрел, побывав на некоторых из этих территорий, позволяет мне заявить здесь представителям, что эта картина отнюдь не является полной и точной. В некоторых колониях существует недовольство и стремление к более быстрому политическому прогрессу, стремление играть более значительную роль в управлении страной и избавиться от различий, ос-

нованных исключительно на расовом признаке. Достаточно упомянуть некоторые британские колонии в Западной Африке, некоторые британские владения в Вест-Индии, и, наконец, что не менее важно, колонию Кения, где сменявшие друг друга британские правительства допускали, а, следовательно, одобряли расовую дискриминацию. Если кто-либо сомневается в достоверности моего заявления, я покорнейше просил бы его направиться самому туда, с тем чтобы удостовериться в этом на месте, как я сам это сделал.

Представитель Нидерландов говорил о яблоках. Я боюсь, как бы ему не пришлось признать, по крайней мере в отношении некоторых колоний, что там растут только дикие яблоки. Слишком часто в ходе наших дискуссий мы стремимся игнорировать желания и надежды населения самоуправляющихся территорий. Мы слишком много говорим о государствах, которые управляют колониями. Я не имею в виду желания остальных народов, которые еще не могут выразить свое сознательное мнение по сложным вопросам, я говорю о тех образованных представителях местного населения, которые представлены в законодательных органах и избраны на довольно широкой демократической основе. Я уверен, что, если бы они находились сегодня среди нас, они не поддержали бы державы, которые ими управляют. Они, наоборот, потребовали бы, чтобы более полная информация по всем областям экономической, политической и социальной жизни их стран свободно передавалась Организации Объединенных Наций, поскольку они все еще верят в доброжелательство и благородные намерения последней. Насколько долго будет еще оказываться ей это доверие и выражаться добрая воля, зависит от того, каков будет наш ответ.

В заключение я хотел бы опровергнуть замечание, сделанное представителем Новой Зеландии относительно того, если я правильно понял его слова, что делегация Индии торговала голосами.

Сэр Карл БЕРЕНДСЕН (Новая Зеландия) *(говорит по-английски)* (с места): Я этого не говорил.

Раджа сэр Магарадж СИНГ (Индия) *(говорит по-английски)*: Могу ли я просить вас повторить то, что вы сказали?

Сэр Карл БЕРЕНДСЕН (Новая Зеландия) *(говорит по-английски)* (с места): Я лишь употребил слова, сказанные главой делегации Индии применительно к данному вопросу.

Раджа сэр Магарадж СИНГ (Индия) *(говорит по-английски)*: Я не буду больше касаться этого. Мне показалось, сэр Карл Берендсен сам употребил эти слова, но он говорит, что он этого не говорил. Я рад принять к сведению его заявление. Однако я хотел бы сказать следующее: как и любая другая делегация, мы голосовали в соответствии с нашей совестью и независимо от блоков. Мы не принадлежим ни к какому блоку за ис-

ключением одного — блока человечества, когда речь идет о будущем зависимых народов.

Я рад принять к сведению, что даже мой друг сэр Карл Берендсен, которого нельзя назвать передовым либералом или радикалом, с предубеждением относится к колониальной системе. Но, мне кажется, почти все его замечания были направлены на оправдание этой системы. Он заявил, что посетил некоторые колонии. Я в этом не сомневаюсь. Однако в какой мере во время этих посещений он общался, как равный с равными, с образованным населением этих территорий — я не говорю об управляющих властях — нам это неизвестно. Во всяком случае я надеюсь, что свое предубеждение он воплотит в делах, и делегация Новой Зеландии, несмотря на ее заявление, поддержит резолюцию Четвертого комитета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, не будет возражений, если следующее заседание мы назначим на 15 часов, а сейчас сделаем перерыв. Возражений нет? Объявляется перерыв до 15 часов.

Заседание закрывается в 13 час.

СТО ВОСЬМОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Понедельник, 3 ноября 1947 года, 15 час.
Флошинг Медоу, Нью-Йорк*

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

В отсутствие г-на Аранья г-н Вышинский (Союз Советских Социалистических Республик) занимает председательское место.

61. Продолжение обсуждения вопроса об информации от самоуправляющихся территорий

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется представителю Пакистана.

Г-н ПИРЗАДА (Пакистан) *(говорит по-английски)*: Я сожалею, что должен заявить о том, что даже наиболее разумные предложения Комитета *ad hoc* (документ А/385), одобренные Четвертым комитетом (документ А/424), встретили сопротивление со стороны некоторых колониальных держав. Дошли до того, что стали даже оспаривать право Организации Объединенных Наций запрашивать информацию. Представитель Бельгии оспаривал это право по двум причинам: во-первых, на основании вопроса о внутренней компетенции, как это предусматривается в пункте 7 статьи 2 Устава, и, во-вторых, на том основании, что, по его мнению, положения главы XI представляют собой лишь одностороннюю декларацию. Помимо этого, он заявил, что статья 73е Устава во всяком случае не требует передачи какой бы то ни было информации политического характера, а отсюда следует, что резолюции или части резолюций, требующие представления такой информации, противоречат Уставу.